

ОВАЦИИ МУЖЕСТВУ

С О ДНЯ первого, столь знаменательного для нашего театрального искусства выступления великого русского актера народного артиста СССР Александра Остужева на сцене Малого театра исполняется семьдесят пять лет. Но о выдающемся художнике сцены, о покоряющей красоте его духовного облика хочется говорить всегда и подробно, насколько не связывая разговор с какой-нибудь календарной датой в биографии этого мастера, в прошлом воронежского железнодорожника.

Раньше, чем стать великим актером, Остужев стал великим тружеником искусства. Когда на спектаклях шекспировского «Отелло» старые стены Малого театра сотрясались от бесчисленных оваций (после конца спектакля занавес раздвигался по двадцать раз) в честь Остужева, исполнителя центральной роли, в эти волнующие моменты во всем театре был только один человек, до которого из зрительного зала не долетало ни единого шороха, ни одного восторженного восклицания зрителей. То был сам Остужев.

Коварный недуг, подкравшийся к артисту почти в самом начале его артистического пути, навсегда и полностью лишил его слуха. «Я как актер, — пишет в своей автобиографии Остужев, — стал полным инвалидом. Выхожу на сцену и не слышу ни одного звука, ни шелеста, ничего не слышу, точно я нахожусь в пустыне. Ужас охватывал при мысли, что вдруг забудешь какое-нибудь слово и никто не сумеет тебе там на сцене помочь. Передо мной стоял выбор — или уйти со сцены, или побороть свое несчастье».

И вот началась неистовая борьба Остужева за право дальнейшей жизни в искусстве, заветного общения со зрителем. Наперекор всем, самым тягостным испытаниям своей судьбы Остужев сумел ценой неимоверных усилий не только остаться в строю творцов сцены, но и достигнуть вершин актерского мастерства, стать великим Остужевым.

Он научился слышать партнера глазами, сердцем, своим напряженным актерским нервом.

А текст!.. Его необходимо было знать наизусть — и не только своей роли, но и всех партнеров, короче говоря — всей пьесы. Знать досконально, до малейшей реплики, слова. Каждый спектакль тре-

бовал от Остужева героического напряжения всех его духовных и физических сил, творческого бесстрашия. И актер настойчиво преодолевал преграды на большом и сложном пути к сердцу зрителя.

...Театральные впечатления могут оставлять глубокий след в сердцах людей на долгие годы. Сила и могущество сцены не в ослепляющем свете юпитеров, не в ухищрениях театральной машинерии, а в покоряющем своей высокой правдивостью, опалаящим своим вдохновением искусстве актера. И как часто в многогранной партитуре актерского исполнения мы по-особому четко и надолго запоминаем ее особенно волнующие моменты. Порой это может быть тончайший интонационный нюанс, жизненно достоверный, психологический штрих, впечатляющее выражение лица, глаз, пластика исполнителя, эмоционально насыщенная, доходчивая по мысли и чувству пауза, какая-нибудь интересная игровая деталь и т. п. Такие драгоценные мгновения актерского исполнения надолго запечатлеваются в памяти зрителя.

Мне по сегодняшний день запомнилась интонация Отелло Остужева короткой, но такой важной по социальному замыслу актера фразы Отелло: «Черный я»... Чуть подавшись вперед, к рампе, Отелло—Остужев как бы на несколько коротких мгновений остается со зрителем наедине. Его тревожный взгляд растерянно скользит по своим, теперь словно прожатым, рукам черного цвета кожи... Руки протягиваются вперед... Вот они, живые свидетели надвигающейся на него грозы... Чернокожий! Вот где, оказывается, таились зловещая тайна гибели Дездемоны, смертельный удар, поражающий и самого Отелло. Страшная догадка обожгла сердце Отелло... «Черный я»... Нет, это не жалостливая, взывающая к сочувствию интонация, это прозрение Отелло.

Сколько душевной благородной красоты излучал Отелло Остужева. Исполнение им роли шекспировского героя было пронизано острым чувством современности. Сказалось стремление актера прочитать старую классическую трагедию глазами современного художника — и мы с сочувственным волнением следили за тем, как зажатое в зловещих тисках клеветы, злобы, расовой ненависти судо-

рожно билось, исходя муками, живое, доверчивое сердце Отелло.

На каждый спектакль, по признанию Остужева, он шел, как на праздник, отдавался творческому процессу со всей страстностью, на которую был способен этот выдающийся художник сцены. Что же касается дальнейшей, работы над совершенствованием роли, то она никогда не прекращалась.

Остужев безупречно владел своей неповторимой, подлинно виртуозной партитурой общения с партнером. Я по-особому ощутил это на одном из спектаклей известной драмы немецкого писателя Гюцкова «Уриэль Акоста», в котором Остужев играл центральную роль. Акоста, молодой философ, воспыпал гневом против затхлого мира религиозных суеверий своих единоверцев, против дурмана вековых предрассудков, отупляющих живую мысль и чувство. Среди злобных ненавистников Акосты по-особому выделяется его самый смертельный враг, черный раввин Сантос. Завернувшись в молитвенное одеяло, в яром иступлении, с трудом сдерживая себя, чтобы не накинуться на Акосту, он публично проклинает молодого философа, накликая на свою жертву чудовищные проклятия, все беды мира, гибель.

И вот на одном из спектаклей я, игравший Сантоса, в пылу актерского увлечения забыл фразу, завершающую сцену проклятия. Остановка... Пауза... Я вопрошающе смотрю на суфлера... Тот молчит... Снова томительная пауза... И вдруг совершенно неожиданно для меня донесся четкий шепот Остужева подсказавшего мне эту фразу. И это актер, который не слышал не только своих партнеров, но даже звука своего собственного голоса.

Отелло и Акоста были последними сценическими созданиями Остужева, одухотворенные его актерским гением.

...Одна из московских улиц носит имя Александра Алексеевича Остужева. К стене дома, в котором он прожил долгие годы, прикреплён барельеф с изображением артиста. Проходя мимо этого дома, я всегда с любовью и благодарностью воскрешаю в памяти прекрасный облик Остужева — человека, гражданина, артиста.

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР.